

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-002

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА В ПИСЬМАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Муратова Елена Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания
Витебского государственного университета им. П.М. Машерова
mouratova@tut.by
Проспект Московский, 33, 210036 г. Витебск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье определяется роль многозначного слова в эпистолярном наследии Марины Цветаевой. Доказывается, что семантическое преобразование слова в контексте является характерной приметой идиостиля М. Цветаевой.

Ключевые слова: многозначность, значение, смысл, антитеза, письма.

Об особенностях цветаевской прозы, о расширении ею рамок эпистолярного жанра написано много. Приведем, в частности, слова Г. Горчакова: «Письмо, которое существует независимо от адресата, перестает быть письмом, становится особым жанром. Японская литература знает такой особый жанр, называемый *сасаку*, который одновременно является и документальным, и художественным произведением. Письмо отправляется адресату, а его копия – в редакцию журнала. Нечто подобное создавала и Цветаева. Недаром она пренебрежительно отзывалась о методе Гонкуров. Она уничтожала дистанцию между дневником и произведением. Всякая запись у Цветаевой становилась уже произведением» [2, с. 181].

Сама М. Цветаева утверждала: «Поэт, пишущий прозу, остается поэтом, перебирает слова, любит созвучиями, сводит их и разводит и выносит напоказ свои этюды, чуть ли не черновики. Новый способ разговора с читателем» (Цветаева, т. 5, с. 27).

Еще В.В. Виноградов писал, что «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями» [1, с. 17], но в конкретном контексте проявляется, как правило, одно из них. Одновременная же реализация нескольких

значений слова – явление достаточно редкое, представляющее собой особый художественный прием. Для творческой манеры М. Цветаевой намеренное сохранение многозначности слова, его семантическое преобразование весьма характерно. Такое видение и восприятие слова является одной из главных особенностей творчества поэта.

Материалом для исследования послужили письма М. Цветаевой к А. Бахраху, впервые опубликованные в 1990 г. в журнале «The New Review» (№ 181, 189). Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) занимал особое место в среде русских писателей-эмигрантов. Он знал все европейские языки, дружил с И. Буниним, А. Ремизовым, В. Ходасевичем. Поводом к переписке с М. Цветаевой стала рецензия А. Бахраха на книгу ее стихов «Ремесло», вышедшую в 1923 году. Прочитав рецензию, М. Цветаева через некоторое время написала критику. Сам А. Бахрах рассказал о своем заочном романе с М. Цветаевой в 1960 году.

В исследуемых письмах М. Цветаева постоянно «играет» оттенками значений отдельных слов, среди которых одним из любимых ею самой является *час*. Например: *Я знаю, что в любой час Вы меня примите (у меня всегда – час Души!)* (Цветаева, т. 6, с. 598).

В данном контексте *любой час* имеет узуальное, приводимое в словарях значение «время, пора»; *час Души* – это высокое духовное состояние поэта, в котором она пребывает постоянно. *Пространство – стена, но время – брешь. Будет день, число, час, я все узнаю* (Цветаева, т. 6, с. 597) – здесь значение лексемы *час* уже несколько иное, выражающее мистический оттенок, потому что и сам описываемый мир – мистический: в нем пространство – стена, время – брешь (в этой стене). Необходимо только дождаться того неизбежно грядущего часа и войти в эту брешь стены-пространства. И именно в этот момент, в этот мистический час для героини все тайное станет явным. *Изменяем мы себе, а не другим, но если другой в этот час – ты, мы все-таки изменяем другому. Кем Вы были в этот час? Моей болью* (Цветаева, т. 6, с. 585) – в этих строках в значении лексемы *час* появляется эмоциональная составляющая, в частности сема страдания: час, когда другой – ты сам, когда другой – твоя боль, – это особый час, в который испытывается страдание, возможно дошедшее до последней по степени выносимости точки на оси боли.

Значение слова *час* у М. Цветаевой приобретает индивидуально-авторские оттенки, отражая ее духовный мир. В одном из последних писем поэта встречается следующее его употребление:

Мой час с Вами кончен, остается моя вечность с Вами. О, на этом помедлите! Есть, кроме страстей, еще и просторы. В просторах сейчас наша встреча с Вами... (Цветаева, т. 6, с. 608).

В этих строках *час* и *вечность* становятся антонимами. Это символическое противопоставление проявляет в лексеме *час* глубинные смыслы: *час* выражает отношения между двумя, между мужчиной и женщиной, и эти отношения в отличие от *вечности* неизбежно должны закончиться. *Час* – это отношения земные, с сильным чувственным началом, *вечность* – это высшая духовная связь. Этот смысл усиливают лексемы *страсти* и *просторы*, причем *страсти* поэт употребляет в прямом значении, а для выражения высшего духовного состояния человека, его духовной жизни М. Цветаева метафорически использует лексему *просто-*

ры. В этом же письме она сама «расшифровывает» эту мысль:

Вам надо расстаться только с женщиной во мне, с молодой и совершенно потерянной женщиной. Кончился только наш час (Цветаева, т. 6, с. 610).

Интеллектуальная и духовная переписка М. Цветаевой и А. Бахраха не исключала (во всяком случае, со стороны М. Цветаевой) возможности иных отношений – отношений мужчины и женщины. Для нее, как она сама ему писала, «это был зов в ту жизнь: в любовь, в жар рук, в ту жизнь, от которой я оторшилась» (Цветаева, т. 6, с. 606). Такое ощущение себя в переписке с молодым, не виденным никогда собеседником, родившим в ее душе «женскую смуту», она с горечью, любовью и иронией передает опять же через слово с корнем *-час-*:

Бог хочет сделать меня богом – или – по-этом – а я иногда хочу быть человеком и отбиваюсь и доказываю Богу, что он неправ. И Бог, усмехнувшись, отпускает: «Поди-поживи»... Так он меня отпустил к Вам – на часочек (Цветаева, т. 6, с. 596).

В данном контексте диминутив, образованный от существительного *час*, – *часочек* – актуализирует смысл временности, недолговечности таких отношений, невозможности постоянно жить в вихре страстей. Ощущается конечность этого отрезка жизни, цветаевское предчувствие и понимание обреченности таких отношений: слишком много «жара», слишком много земного.

А. Бахрах писал о М. Цветаевой: «Людей, с которыми Цветаева поддерживала более глубокие отношения, она “изобретала”, творила своей фантазией, создавала своей прихотью, едва считаясь с их подлинной природой» (цит. по: [4, с. 305]). В. Швейцер на отношения М. Цветаевой с мужчинами имеет несколько иной взгляд: «Он не совсем прав... Ее “изобретенья” часто оказывались весьма далеки от тех, чьи имена носили, но любила она их по-настоящему, радовалась и горевала, каждому по-настоящему готова была отдать всю себя – только так могли возникнуть стихи» [там же, с. 305–306]. О том же пишет и муж М. Цветаевой – Сергей Эфрон – М. Волошину: «М. – человек страстей. Отдаваться с головой своему урагану для нее стало необходимостью,

воздухом ее жизни... Человек выдумывается, и ураган начался... Сегодня отчаянье, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой, и через день снова отчаянье. И это при зорком, холодном (пожалуй, вольтеровски-циничном) уме... Все заносится в книгу. Все спокойно, математически отливается в формулу. Громадная печь, для разогревания которой необходимы дрова, дрова и дрова... Нечего и говорить, что я на растопку не гожусь уже давно» (цит. по: [4, с. 316]).

М. Цветаева намеренно создает или сохраняет многозначность и у других любимых ею слов: *отзыв, мост, жизнь, смерть, дом, быть* и др. Рассмотрим в качестве примера два из них – *мост* и *быть*.

Лексема *мост* в творчестве М. Цветаевой получает не только символическое, но, как думается, и сакральное значение:

...когда я, взорвав все мосты, попрошу у Вас силы взорвать последний. Наша встреча – страшная для Вас, теперь я это поняла, это меньше всего услада или растрата и, может быть, не мне суждено Вас спасти, а Вам меня столкнуть с последнего моста. <...> О, дитя, дитя, какой я берег?! – и мой мост, темный, последний, над самой настоящей рекой! Это сейчас мое наваждение, я стою в церкви и думаю: мост, мост – кому – на берег, кому – на тот берег, кому – идти, кому – вниз головой лететь! После смерти Блока я встречала его на всех московских ночных мостах, я знала, что он здесь бродит и – может быть – ждет, я была его самая большая любовь, хотя он меня и не знал, большая любовь, ему сужденная – и несбывшаяся. И теперь этот мост опять колдует, без Блока под фонарем, без никого, от всех! (Цветаева, т. 6, с. 606).

Глагол *быть* занимает особое место не только в исследуемых письмах, но и во всем творчестве М. Цветаевой. В современном русском языке он, с одной стороны, имеет очень широкий спектр значений, с другой – как глагол-связка, не имеет лексического значения. В текстах М. Цветаевой глагол *быть* часто приобретает бытийный смысл, определяемый философской концепцией жизни поэта: *Когда я Вас долго не слышу, Вы перестаете быть* (Цветаева, т. 6, с. 591); *... Я хотела быть. А он мне мое бытие прощаль...* (Цветаева, т. 6, с. 569); *Я сидела – высоко – на березе, ветер раскачивал и березу и меня, я обняла ее за белый ровный ствол, мне было блаженно,*

меня не было (Цветаева, т. 6, с. 582); *Что Вы были – я уже не верю* (Цветаева, т. 6, с. 595). Глагол *быть* выражает постоянную антитезу быта и бытия, ее страстное отстаивание своего «мира просторов», «песен небес». Что вообще для М. Цветаевой бытие? Нам представляется наиболее точным определение, данное И.В. Кудровой: понятие бытия «связано с цветаевским представлением об истинном существовании – в отличие от мнимого, неполноценного, искаженного. <...> “Быть” значит не просто жить, провожать дни, приобретать, владеть, умствовать, играть в деловые или просто азартные игры; “быть” – это ощущать себя как бы внутри бытия, наполненно и напряженно идя путем собственного в нем “сбывания”, сбывания высших творческих возможностей, данных Богом» [3, с. 84].

Глагол *быть* может иметь разные семантические оттенки:

Будьте просты, не ищите фраз, самое дорогое – то, что сорвалось! – срывайтесь, давайте, т. е. позволяйте срываться: словам с губ, буквам с пера, не думайте, не считайте, будьте (Цветаева, т. 6, с. 601).

В приведенном контексте глагол *быть* используется дважды в одной и той же форме *будьте*. При этом данные словоформы находятся в смысловой и грамматической оппозиции: в первом предложении перед нами составное сказуемое, в котором краткое прилагательное *просты* выражает лексическое значение, а глагол-связка *будьте* – грамматическое; во втором предложении полнозначный глагол *будьте* не просто имеет лексическое значение, но выражает философию цветаевской концепции жизни и существования человека в ней, доведение признака бытия до предела.

Семантически значимы у М. Цветаевой глагольные формы *есть* и архаичная *есмь*. Наличие связки *есть*, которая в современном русском языке употребляется ограниченно, меняет акценты высказывания. Значение полнозначного глагола *есть* почти всегда в стихах и прозе Цветаевой имеет оттенок бытийного плана:

Я еще никого не угнетала и не удушала в жизни, я для людей – только повод к ним самим.

Когда это «к ним самим» – есть, т. е. когда они сами – есть, – ВСЕ ЕСТЬ. Над отсутствием я бессильна (Цветаева, т. 6, с. 574).

Сочетание местоимения с рассматриваемым глаголом выделено графически самой М. Цветаевой, что подчеркивает его значимость. *Все есть* – это люди ее высоты, люди ее «песен небес», в целом духовно «равнодушный» ей мир, который она постоянно искала и не находила. (Только о Б. Пастернаке она сказала – *равнодуш мне*, а ее дочь Ариадна писала, что у людей от маминой высоты делалась горная болезнь.)

Употребление архаичной формы *есмь* до предела обнажает цветаевское понимание бытийности собственного внутреннего «я»:

Смогу ли я, не считаясь (с чужим расчетом!) быть с Вами тем, кто я есмь; Вы не поняли моего письма. Вы невнимательно читали. Вы не прочли ни моей нежности, ни моей заботы, ни моей человеческой боли за Вас, вы даже не поняли меня в моем: «да разве это так важно – кому больно?!» – ощущение чужой боли как своей – все это до Вас не дошло. Вы сочли меня проще, чем я есмь (Цветаева, т. 6, с. 611).

М. Цветаева использует форму *есмь* только в тех случаях, когда максимально хочет выразить бытийность того, о чем пишет:

В чем же отличие художественного произведения от произведения природы, поэмы от дерева? Ни в чем. Какими путями труда и чуда, оно есть. Есмь! (Цветаева, т. 5, с. 24).

Глубинные смыслы могут возникать при нестандартной, даже парадоксальной сочетаемости лексем: *Друг, забываю только бывшее,*

бывших. Небывшее во мне сущее (Цветаева, т. 6, с. 607). *Бывшее, бывшие* – нечто (явление, ситуация, человек), случившееся в прошлом, обязательно ушедшее из жизни и из души; *небывшее* – не случившееся ни в прошлом, ни в настоящем, но находящееся в душе как потребность, сожаление, желание, предчувствие, а значит, только оно и *суще* – живая, болевая точка Души.

Таким образом, проявляя семантические «кванты» многозначного слова, создавая ему особое смысловое «окружение», М. Цветаева реализует потенциальные глубинные возможности русского языка, а ее собственный поэтический язык становится индивидуально-художественной формой отражения неповторимой личности поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове: учеб. пособие / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
2. Горчаков, Г. Марина Цветаева – корреспондент-адресат / Г. Горчаков // Новый журнал. – 1987. – № 167. – С. 178–187.
3. Кудрова, И. В. Формула Цветаевой: «Лучше быть, чем иметь» / И. В. Кудрова // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. – Нортфильд: Рус. шк. Норв. ун-та, 1992. – С. 79–94.
4. Швейцер, В. Быт и бытие Марины Цветаевой / В. Шейцер. – М.: СПИНТЕРПРИНТ, 1992. – 538 с.

ИСТОЧНИКИ

Цветаева – Цветаева, М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / М. И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. – Т. 5. – 1994. – 718 с.; Т. 6. – 1995. – 800 с.

THE AMBIGUITY OF THE WORD IN THE EPISTOLARY HERITAGE OF M. TSVETAEVA

Muratova Elena Yuryevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University named after P.M. Masherov
mouratova@tut.by
Prospect Moskovsky, 33, 210036 Vitebsk, Belarus

Abstract. The article examines the role of an ambiguous word in epistolary heritage M. Tsvetaeva. The author proves that the semantic transformation of words in the context is a characteristic feature of M. Tsvetaeva's idiosyncrasy.

Key words: polysemy, meaning, sense, antithesis, letters.